

На правах рукописи

ХАРИТОНОВА Екатерина Владимировна

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ
В СКАЗАХ П. П. БАЖОВА**

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург 2004

Работа выполнена на кафедре фольклора и древней литературы государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования Уральского государственного университета им. А. М. Горького

Научный руководитель	доктор филологических наук, профессор Блажес Валентин Владимирович
----------------------	---

Официальные оппоненты	доктор филологических наук, профессор Проскурина Юлия Михайловна
-----------------------	---

	кандидат филологических наук, доцент Слобожанинова Лидия Михайловна
--	--

Ведущая организация	Курганский государственный университет
---------------------	--

Защита состоится «14» декабря 2004 г. в ____ час. на заседании диссертационного совета Д 212.286.03 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук в Уральском государственном университете им. А. М. Горького (620083, Екатеринбург, К-83, пр. Ленина, д. 51, комната 248).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского государственного университета.

Автореферат разослан «_____» ноября 2004 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
профессор

Литовская М. А.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Исследование творчества П. П. Бажова, представленное в работах Л. И. Скорино, М. А. Батина, А. С. Саранцева, Л. С. Слобожаниновой и др., на данном этапе развития отечественного и регионального литературоведения может быть дополнено изучением тех аспектов художественного мира писателя, которые до сих пор не получили должного внимания. В советский период творческое наследие П. П. Бажова воспринималось как феномен соцреалистического искусства. В творчестве П. П. Бажова выявлялись прежде всего социально-исторический и нравственно-философский аспекты. Значительное внимание было уделено вопросам биографии писателя, осмыслению роли его творчества в контексте литературы 1930–1940-х гг., фольклорным и литературным источникам творчества П. П. Бажова, языку сказов. На наш взгляд, изучение репрезентации национальной картины мира, национального мирочувствования и национального характера в творчестве П. П. Бажова представляется весьма перспективным, поскольку позволяет поставить и частично решить широкий круг актуальных сегодня вопросов: характер связи региональной литературы с общерусским историко-литературным и социокультурным процессом, выявление границ самобытности региональной культуры, установление регионально-специфичных черт, создающих, в конечном счете, «уральский текст» в русской культуре. Разговор о национальной, общерусской традиции с неизбежностью приводит нас к проблеме регионально-локальной специфики: как известно, общеэтническое содержание конкретизируется регионально-локальным (вариативным) контекстом. Обозначенная ситуация справедлива не только по отношению к фольклорному, но и к литературному и – шире – культурному материалу. Наша работа – одна из попыток установить соотношение общенациональной традиции и регионально-локальной специфики в творчестве П. П. Бажова. Подобный опыт невозможен без подключения к исследованию категории «ментальность».

Материалом исследования являются, главным образом, сказы П. П. Бажова, частично публицистика, а также автобиографические произведения, связанные со сказовым творчеством писателя (цикл очерков «Уральские были», повести «Зеленая кобылка», «Дальнее – близкое»), очерки «У караулки на Дум-

ной горе», «У старого рудника»). Необходимо подчеркнуть, что весь корпус сказов П. П. Бажова рассматривается нами как сверхтекст.

Объект диссертационного исследования – русская ментальность в творчестве П. П. Бажова. **Предметом** исследования признается специфика репрезентации русской ментальности в творчестве П. П. Бажова. Такой выбор объекта и предмета изучения обусловил **цель** диссертационного исследования – через выявление форм репрезентации национальной ментальности установить роль изучаемого феномена в формировании художественного мира П. П. Бажова. В соответствии с поставленной целью были решены следующие **задачи**:

- обозначены существующие в современной гуманитаристике тенденции изучения ментальности;
- на материале творчества П. П. Бажова выявлены основные факторы, детерминирующие ментальность (природно-социальное пространство и время);
- проанализирована образная система сказов П. П. Бажова, представлены типологии мужских и женских образов;
- исследована репрезентация констант русской культуры в сказовом мире П. П. Бажова (мастерство и семья/сиротство/судьба);
- определена специфика отображения «уральской ментальности» в сказах П. П. Бажова, выявлено ее своеобразие в соотношении с общерусской ментальностью.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней впервые ставится проблема репрезентации русской ментальности в творчестве П. П. Бажова, предлагается анализ факторов, детерминирующих национальную ментальность, рассматриваются константы русской культуры в уральском – регионально-локальном – преломлении.

Методологическая основа исследования – комплексный подход, позволяющий в рамках одного исследования объединить различные способы анализа художественного текста. Основополагающим признается культурно-исторический метод, также используется междисциплинарный подход (герменевтический метод, метод концептуального анализа), мотивный анализ и т.д. Теоретическую базу исследования составили работы И. Тэна, А. Я. Гуревича, А. Вежбицкой, Ю. С. Степанова и др.

Теоретическая значимость диссертации. Исследование вносит вклад в изучение проблемы репрезентации национальной картины мира в художественном тексте, а также в изучение «уральского текста» русской культуры.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Национальная ментальность, реализуясь на регионально-локальном уровне, определяется пространственно-временными факторами и эксплицируется в русском национальном характере.

2. Ментальный облик уральца характеризуют неодолимое стремление к идеалу красоты, выраженное в желании «показать красоту камня», осознание, что богатство должно обеспечиваться трудовыми усилиями, а также крепость тела и духа, веселость как проявление жизненной позиции.

3. Горнозаводское производство обусловлено синтезом пространственного и временного факторов. На Урале завод является не только способом организации горного дела, но и формой жизненного уклада.

4. Одаренность русского человека реализуется в мастерстве, играющем роль ценностного центра в жизни уральца, это личное неотъемлемое достояние человека.

5. Семейственность как сущностное свойство русского национального характера осмысливается в сказах П. П. Бажова через соотношение с понятиями сиротства / судьбы / рода. Семья является способом укоренения человека в многовековой традиции. Индивидуальное начало органически вписывается в семейно-родовое.

Практическая значимость диссертационного исследования определяется тем, что его материалы могут быть использованы в курсах истории русской литературы, истории литературы Урала, а также для проведения спецкурсов и спецсеминаров по проблемам творчества П. П. Бажова и традиционной культуры.

Апробация работы. Результаты исследования обсуждались на кафедре фольклора и древней литературы филологического факультета Уральского государственного университета. Основные положения диссертации изложены в восьми публикациях. По материалам исследования прочитаны доклады на Всероссийской научной конференции «Дергачевские чтения: Русская литература:

национальное развитие и региональные особенности» (Екатеринбург, 2002; 2004); Всероссийской научной конференции «Вторые Лазаревские чтения» (Челябинск, 2003); Международной научной конференции «Детство как культурный перекресток: на пути к самоидентификации» (Екатеринбург, 2003); Всероссийской научной конференции «Творчество П. П. Бажова в меняющемся мире» (Екатеринбург, 2004); Всероссийской научной конференции «Проблемы анализа литературного произведения в системе филологического образования: наука – вуз – школа» (Екатеринбург, 2004); Межвузовской научной конференции «Жил на Урале великий русский сказитель...» (Нижний Тагил, 2004).

Структура работы

Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения, примечаний и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** аргументируется актуальность темы, определяются объект и предмет изучения, формулируются цель и задачи работы, излагаются теоретические предпосылки исследования. Феномен ментальности осмысливается в нескольких аспектах, выделяемых той или иной гуманитарной наукой: рассмотрены определения ментальности с точки зрения истории (Л. Февр, М. Блок, А. Я. Гуревич), психологии (И. Г. Дубов), лингвистики (О. Г. Почепцов, В. В. Колесов), культурологии (А. С. Кармин), а также дисциплин интегративного характера – психосоциологии (Б. А. Душков), этнопсихологии (Т. Г. Стефаненко, В. С. Кукушкин, Л. Д. Столяренко). Делается вывод о том, что рассмотренные определения при всем их многообразии не могут претендовать на исчерпывающую полноту. В диссертации делается акцент на следующих параметрах:

- системность и структурность ментальности;
- акцентуализация детерминации ментальности естественно-историческими процессами;
- «составляющие» ментальности: субъект, социальное окружение, пространственное окружение, временная последовательность событий, характер деятельности;

– носителем ментальности является индивид, принадлежащий к той или иной культуре, объединяющий характерно-личностное и национально-типическое начала;

– уровни ментальности: социокультурный мир или тип культуры (например, античная ментальность, ментальность первобытной эпохи); национальные культуры (русская, американская и т.д.); уровень субкультуры (дворянская, актерская и др.).

Предложенная А. С. Карминым* типология дополняется выделением регионального уровня национальной ментальности, поскольку Урал – своеобразный этно-социальный локус, обладающий целым рядом уникальных черт и в то же время вписанный в общерусскую национальную традицию.

Материал **первой главы («Пространство и время как факторы формирования ментальности»)** изложен в пяти параграфах.

В **«Предварительных замечаниях» (1.1)** подчеркивается, что в настоящей работе пространство и время рассматриваются как сущностные категории человеческого бытия, а также как важнейшие параметры художественного текста; отмечается, что пространственное окружение и временная последовательность событий являются, с одной стороны, факторами формирования ментальности, с другой стороны, художественное пространство и время не что иное как способы выражения ментальности.

Параграф **1.2 «Пространственная организация сказового мира П. П. Бажова как способ выражения ментальности»** посвящен выявлению своеобразия русской ментальности через анализ пространственного континуума сказов П. П. Бажова.

В разделе **1.2.1 «Общая характеристика пространственного континуума: национальный контекст и региональная специфика»** дается анализ пространственной организации сказов П. П. Бажова. Отмечается, что художественное пространство структурируется и осмысливается в соответствии с сущностной бинарной оппозицией *свое/чужое*. Этот принцип конструирования пространства уходит своими корнями в национальную почву. Как известно, дуализм, бинарность – одно из основных свойств русской культуры. Однако уни-

* Кармин А. С. Культурология. – СПб.: Лань, 2001. С. 219.

версальное содержательное «наполнение» бинарной оппозиции (*свое* – принадлежащее человеку, освоенное им; *чужое* – нечеловеческое, враждебное человеку) нуждается в корректировке. Своеобразие рассматриваемой оппозиции в сказовом мире П. П. Бажова заключается в том, что *свое* и *чужое* пространство взаимопроникаемы. Центральным пространственным образом является образ Горы, задающий вертикальную модель мира. Гора является хранителем сути и тайны бытия, поэтому она сакрализована. Гора объединяет верхний и нижний миры. В мифологической традиции верхний космос маркируется позитивно, однако в сказах П. П. Бажова он не столь значителен, как нижний. Хозяйка Медной горы владеет подземной частью горы, соотносимой с царством мертвых. Таким образом, для человека горнозаводского поселка Гора одновременно является и жизнью, и смертью; и благоприятным, и неблагоприятным; в конечном счете, и своим, и чужим, точнее, – это *освоенное чужое*. Сущность Горы двуедина, как и природа ее Хозяйки – Малахитницы. Гора – вертикальная модель мира – обуславливает и горизонтальную проекцию. В непосредственной близости к Горе расположен завод (заводской поселок), жители которого работают в Горе и вступают с ней в непосредственный контакт. При этом власть Горы распространяется не только на самих горщиков (Степана, Данилу, Ганю Зарю), но и на членов их семей (Катерину, Настасью, Таятку). Пространство Завода, являясь своим, не вполне свободно от власти Горы, – это *отчужденное свое*. Отчуждение своего пространства от его обитателей, проникновение чужого в свое становится конструктивным мотивом в ряде сказов П. П. Бажова («Хрупкая веточка», «Малахитовая шкатулка» и др.). В других сказах влияние Горы в социальном пространстве проявляется через чудесные предметы: малахитовая шкатулка, подаренная Степану Хозяйкой («Медной горы Хозяйка»), пуговка «из бутылочного стекла», в которой зеленоглазая красавица насмехается над Паротей («Малахитовая шкатулка»), обломки каменной чаши, которые сохранила Катерина («Теплая грань»). Пространственная и бытийная приближенность к Горе сообщает жизни человека высший смысл, придает ей ценностную значимость, поскольку позволяет ему самореализоваться, самоосуществиться в мастерстве. Социальный мир, удаленный от Горы, – это мир профан-

ный, воспринимаемый Хозяйкой Медной горы и жителями заводского поселка как совершенно инородный и потому отторгаемый.

Несмотря на то, что отношения противопоставления трансформируются в отношения включенности, можно констатировать наличие двух уровней пространственной организации сказов, один из которых является социально-историческим (реальным, уровнем бытия человека), другой – мифологическим или *другим* (местом обитания демонологических персонажей). Контактирование представителей мира реального с обитателями другого мира должно быть охарактеризовано, в частности, с учетом категорий «мужское» и «женское». Пространственная организация сказов П. П. Бажова гендерно маркирована, причем на глубинно-символическом уровне. В традиционных мифологических системах типичные для сказового мира П. П. Бажова пространственные образы-символы – гора, пещера, колодец – относятся к женскому началу и загробному миру. Обращает на себя внимание и то, что антропоморфные фантастические персонажи имеют преимущественно женский облик: девка-Азовка, Золотой Волос, Голубая Змейка, Хозяйка Медной горы, Огневушка-Поскакушка, бабка Синюшка, змеевки, Веселуха. Таким образом, мир сверхъестественный позиционирует себя преимущественно как женский. Представительницы «тайной силы» воспринимаются мужчинами – героями сказов Бажова – неоднозначно: с одной стороны, встреча с ними нежелательна, поскольку это существа иной – нечеловеческой, сверхъестественной – природы; с другой стороны – способность представительниц «тайной силы» обретать человеческий облик заставляет мужчин воспринимать их как женщин. На уровне сверхъестественного преобладает женское начало. На уровне социальных отношений мужское начало (черты характера, модели поведения и прочее) считаются первичными, доминирующими, а женское определяется как вторичное и подчиненное. Иными словами, в сказах П. П. Бажова имеет место «двойная» гендерная асимметрия. На уровне сверхъестественного преобладает женское начало, соотносимое с глубинами бытия. Мужчины-мастера, контактирующие с представительницами «тайной силы», вынуждены соблюдать этико-поведенческие нормы, чтобы избежать опасности или минимализировать негативные последствия. На уровне социальных отношений доминирует мужское начало, признаваемое первичным.

В разделе **1.2.2. «Гора как центральный пространственный образ в сказах П. П. Бажова»** дается характеристика Горы как персонифицированного субъекта, во многом определяющего судьбу уральца. В сказах П. П. Бажова понятие «гора» используется не столько в общеязыковом, сколько в профессиональном употреблении. Если в типичном языковом национальном сознании под «горой» понимается «возвышенность», то в сказовом мире П. П. Бажова (и в горнозаводской среде Урала) горой называют место добычи руды или других полезных ископаемых. В сказе «Золотоцветень горы» эта особенность получает разъяснение: «...по нашим местам гора может там оказаться, где ее вовсе не ждут. Поселились, к примеру, на ровном будто месте, жили не один десяток годов, а копнул кто-то поглубже в своем огороде – оказалась руда... на что низкое место – болото, а и под ним гора может оказаться». Субстанция горы персонифицируется в фантастических образах, которые выступают хранителями и распорядителями земельного богатства и тайны красоты (последнее – лишь во власти Малахитницы). Идеал красоты воплощен в нерукотворном каменном цветке, растущем в подземном саду Хозяйки Медной горы, таким образом, он недоступен земному человеку. Неодолимое стремление к идеалу красоты, выраженное в желании «показать красоту камня», является уральской формой выражения сущностного ментального свойства русского человека.

В сказах второй половины 1940-х гг. пространственный образ горы приобретает символический смысл. Так, в сказе «Васина Гора» (1946 г.) в понятии «гора» обнаруживается семантика «испытание», «препятствие на пути человека»: «Не всякая гора наружу выходит. Главная гора – работа». Гора воспринимается как средство выявления силы человека: «Гора-то на дороге силу людскую показывает. Иной по ровному месту, может, весь свой век пройдет, а так своей силы и не узнает». В сказе «Золотоцветень горы» появляется образ пояса земли: гора осмысляется как сплошная гряда, опоясывающая землю. С лейтмотивом горы связана тема земельного богатства. В сказовом мире богатство осмысляется как негативное, способное не осчастливить, а погубить человека. Не приносит гора только то богатство, размеры которого невелики; достается оно либо детям («Голубая змейка»), либо старику и ребенку («Огневушка-поскакушка», «Серебряное копытце»). Отношение человека к богатству – один

из факторов выявления ментального облика человека. Сказы П. П. Бажова позволяют утверждать, что в рабочей среде была выработана этическая норма, согласно которой богатство мыслится как достаток, обеспеченность семьи всем необходимым, но без излишеств; оно должно быть обеспечено трудовыми усилиями. Все остальные формы приобретения богатства, в том числе с помощью «тайного слова», «тайной силы», оцениваются негативно, как неэтичные. Ригоризм народной этической нормы проявляется или в осуждении скупщиков золота, или в иронии над людьми типа Ваньки Сочня, или в насмешке над Стаканчиком, пропившем за два года «тяжелую витушку», – семь килограммов золота. Даже положительный герой, получающий земельное богатство, не обретает счастья («Синюшкин колодец»). Счастье сопряжено с умеренным семейным достатком, добытым в труде, – такова ментальная установка, репрезентированная в сказах П. П. Бажова. В сказах 1940-х годов мотив земельного богатства трансформируется. Точнее, изменяется цель поиска богатства – это не жажда личной наживы, но желание «народу сказать, что где полезное лежит». Мотив обновления и сбывшихся надежд разрабатывается в «реалистических» сказах через образы рудяного перевала, золотоцветня горы, далевого глядельца.

Параграф 1.3. «Завод как типичная форма организации жизни на Урале» посвящен исследованию *завода* как одного из смысло- и структурообразующих понятий сказового мира П. П. Бажова. Специфика уральского осмысления этого явления заключается в том, что оно осознается не только как промышленное предприятие, но и как традиционный (заведенный, устроенный) способ жизни. В жизни рабочего заводу придается исключительный статус.

Своеобразие заводской жизни определяется следующими параметрами:

1. *Соревновательность* как принцип, организующий трудовую деятельность, духовную и бытовую жизнь рабочих.
2. *Кульм физическвой силы*. Заводская работа рассматривается как одно из самых тяжелых физических испытаний для человека, поэтому особенно ценной оказывается способность человека сохранить себя – как в физическом, так и в онтологическом смысле.
3. *Рабочая династийность, преемственность в передаче ремесла* сопряжена с лейтмотивом семьи: во-первых, это поддерживает уровень

развития «каменного дела»; во-вторых, актуализирует значимость внутрисемейных связей.

4. *Устоявшиеся формы регулирования социальных отношений.* Одной из форм социального протеста, своеобразным регулятором социальных отношений была учь («Уральские были») – наказание мелкого заводского начальства, зверствующего в обращении с рабочими.
5. *Корпоративность* или, по словам П. П. Бажова, «*привычка к коллективному труду*». Изготовление любой продукции в заводском производстве распадается на ряд операций, поэтому рабочие завода составляют «совокупного рабочего» (А. С. Черкасова), единое целое. Принцип корпоративности организует не только заводскую деятельность рабочих, но и распространяется на бытовую жизнь человека.
6. *Статусность, субординация рабочих* проявляется на двух уровнях: во-первых, это статус профессии (одни заводские работы сложны и требуют высокой квалификации, другие – проще и не требуют ее) и, во-вторых, статус в профессии (герой сказа «Живинка в деле» Тимоха Малоручко приходит к осознанию того, что даже в работе угольщика можно достичь вершин мастерства).

В цикле очерков «Уральские были» П. П. Бажов предлагает социально-производственную типологию жителей горнозаводского поселка: он характеризует владельцев и управляющих («бары»), рабочих («мастерко», «шаровка») и служащих («приказные»), крестьян, занятых на заводских работах («заводские»), независимых от заводского начальства охотников и рыболовов («чертознаи»), заводских стариков. Представленные типы заводского населения объединяло отношение к особому сложившемуся на горнозаводском Урале способу жизни, с которым они – и не только экономически – связывали свое существование.

В параграфе 1.4. «**Временная организация сказов П. П. Бажова как способ выражения ментальности**» речь идет о вариантах образа времени в сказовом мире: это биографическое время (личное время, время отдельной человеческой жизни); календарное время (сказы во многом ориентированы на воспроизведение традиционного уклада жизни, регламентированного народным

календарем с его чередой будней и праздников); историческое время (в сказках получает характеристику и оценку смена эпох и поколений). Один из образов времени связан с биографической канвой сказового героя. В сущности, каждый персонаж показан на определенном этапе своей жизни. Продолжительность такого этапа различна – как правило, он совпадает с какой-либо возрастной группой: дети, старики, девки и т. д. Жизнь Степана изображена с молодости до зрелости (до смерти), жизнь Данилы – с детства до зрелости. Биографическое время коррелирует с семейно-родовым; в циклах сказов речь идет также о семьях мастеров. Семейно-родовое время становится существенной характеристикой исторического времени. Так, в сказе «Шелковая горка» время жизни семьи повествователя, в сущности, становится объектом рассказывания: «Наше семейство из коренных невянских будет. На этом самом заводе начало получило». В свою очередь, семейно-родовое время осмысливается через события локуса – в данном случае, «большой невянский пожар»: «До большого невянского пожара тут, помню, избышечка стояла. Она покойному родителю от дедушки досталась, а тот не сам ее строил, – тоже по наследству получил».

В дореформенных сказках время мифологично, точнее, антропоморфно. Длительность времени и его отсчет ведется по приказчикам.

В сказках пореформенных и особенно послереволюционных время конкретно-исторично. При этом, как мы уже отмечали, большое (историческое) время отсчитывается либо через малое (семейно-родовое), либо через исторические события: революция 1905 г., война с немцами, Февральская революция, Октябрьская революция, гражданская война и т.д.

С определенной долей условности биографическое, календарное, историческое время может быть названо социальным – это время жизни персонажей, функционирующих в социально-историческом пространстве. В мифологическом пространстве время внесоциально – собственно, оно «вневременно».

При выявлении связи между прошлым / настоящим / будущим особую значимость приобретает мотив памяти. Так, в сказе «Шелковая горка» рассказчик, критикуя авторов книг по истории Невьянского завода, замечает, что не сами Демидовы сделали себе славу, а замечательные мастера, оказавшиеся незаслуженно забытыми. Целью повествователя становится рассказ о «тех людях,

кои самих Демидовых столь высоко подняли, что их стало видно на сотни годов». Таким образом выявляется роль рассказчика: как и другие заводские старики, он служит поддержанию связи времен, напоминает о значимости категории и механизма памяти. Через категорию исторической памяти, через механизм воспоминания / повествования о давно прошедшем талантливые мастера обретают вторую (подлинную, по мысли рассказчика) жизнь в настоящем.

В сказах второй половины 1940-х годов автор обращается преимущественно к со- и противопоставлению прошлого и настоящего. Так, в сказе «Не та цапля» рассказчик соотносит «цаплю»-экскаватор с «цаплей» – заводской маркой и приходит к мысли о том, что в новом – советском – обществе даже то, что раньше приносило вред рабочим, становится полезным, облегчающим труд. «Цапля» старого времени (заводская марка) и «цапля» нового времени (шагающий экскаватор) становятся своего рода символами двух эпох.

Параграф **1.5.** содержит **Выводы к I главе:**

1. В сказах П. П. Бажова Гора является центральным образом-символом, определяющим вертикальную и конституирующим горизонтальную модели мира. Будучи сакральным центром, «осью сказового мира», Гора задает параметры жизни Завода. Мир, удаленный от Горы, признается профанным. Его включение в мир Горы и Завода воспринимается как ситуативное вмешательство извне. Гора является хранительницей высших ценностей – тайны красоты и земельного богатства, через отношение к которым выявляется сущность человека

2. Гендерный аспект пространственной организации позволяет установить взаимосотнесенность, условно говоря, социально-исторического и мифологического пространств – сфер бытия.

3. Завод, заводской поселок обусловлен синтезом пространственного и временного факторов. Завод является не только способом организации горного дела, но и формой жизненного уклада на Урале.

4. Подключение категории времени позволяет утверждать, что для сказового мира П. П. Бажова особое значение имеет культурно-исторический аспект ментальности. В дореформенных сказах движение времени мифологично – большое (историческое) время воспринимается через малое (биографическое,

семейно-родовое). В пореформенных и послереволюционных сказах время конкретно-исторично: отсчет малого времени (личного, семейно-родового) ведется через большое (историческое время).

Материал **второй главы «Проблема русского национального характера в сказах П. П. Бажова»** излагается в четырех параграфах. В **«Предварительных замечаниях» (2.1.)** вводится понятие «национальный характер», устанавливается соотношение ментальности и национального характера. По мысли современного культуролога А. С. Кармина, «национальный характер, если под ним понимать комплекс специфических для данной национальной культуры традиций, установок, представлений, поведенческих норм, обусловлен национальной ментальностью и выступает как ее выражение». Осмысление специфики русской ментальности нашло свое выражение в высказываниях русских философов о народе и национальном характере (К. В. Кавелин, Н. Я. Данилевский, Н. О. Лосский, В. Н. Сагатовский и др.). Приведенный материал позволяет утверждать, что природа русского характера дуалистична. Анализ высказываний П. П. Бажова о русском национальном характере свидетельствует о том, что сущностными его чертами художник считал радость бытия, веселость, общий оптимистический строй жизни, а также выносливость, твердость, «крепость» тела и духа. Следует подчеркнуть, что существенной проблемой при изучении национального характера оказывается поиск методологических основ для выявления его специфики. Думается, наиболее адекватной изучаемому материалу в этом случае является концепция ключевых слов-понятий культуры (А. Вежбицкая) или – иначе – констант русской культуры (Ю. С. Степанов). На наш взгляд, в литературоведческом исследовании ключевые слова-понятия культуры могут быть изучены с помощью мотивного анализа, приемы и принципы которого мы используем при анализе понятий мастерства, а также семьи / сиротства / судьбы.

Поскольку национальная ментальность выражается через ее носителя – представителя данной культуры – в параграфе **2.2. «Воплощение представления о русском национальном характере в образной системе сказов П. П. Бажова»** предлагаются типологии мужских и женских образов.

Творчество П. П. Бажова во многом направлено на воссоздание уклада традиционного общества, в котором была значима половозрастная дифференциация, поэтому в основу типологии персонажей может быть положен половозрастной аспект.

В разделе **2.2.1. «Типология мужских образов»** отмечается, что фантастические персонажи, имеющие мужскую форму манифестации, в сказах П. П. Бажова крайне редки – это Великий Полоз, змей Дайко, Богатырь Денежкин. Мужские персонажи функционируют преимущественно в сфере социальных отношений. Первая группа образов – «парнишечки» – многочисленна. Для названия мальчиков используются традиционные народные номинации: «парнишечко», «робята», «ребятки», «ребятишки». В жизни этой половозрастной группы автора интересует прежде всего выявление творческого начала в ребенке и процесс становления профессиональной личности – будущего мастера. Следующий тип – *парень*. В сказе «Малахитовая шкатулка» приводится любопытная собирательная номинация для этой половозрастной группы – «холостяжник». Определяющим здесь является мотив отсутствия своей семьи и необходимости ее создания. Следующая половозрастная группа – *мужики*; эта номинация означает мужчин вообще. Для этой группы важным оказывается критерий профессиональности, в соответствии с которым можно выявить и охарактеризовать следующие образы: *рудознатцы, угольщики, камнерезы, гранильщики, старатели, приказные, владельцы заводов* и т. д. Старики в сказах П. П. Бажова являются воплощением народной этики – они устраивают судьбу сироток. Как отмечала Л. И. Скорино, заводские старики выполняют еще одну важную социокультурную функцию: они передают молодежи не только свой собственный опыт, но и опыт предыдущих поколений. Приисковские старые рабочие «служат великому делу – связи времен».

Женские образы в сказах (раздел **2.2.2. «Типология женских образов в сказах П. П. Бажова»**) функционируют как на уровне, условно говоря, реального, так и на уровне сверхъестественного. Так, антропоморфные фантастические персонажи имеют преимущественно женскую форму манифестации: *дев-ка-Азовка, Золотой Волос, Голубая змейка, Хозяйка Медной горы, Огневушка-Поскакушка, бабка Синюшка, Веселуха*. Женские фантастические персонажи

контактируют преимущественно с мужчинами. На уровне социальных отношений система женских образов создается с учетом стадильности женской жизни. *Образы девочек* в сказках П. П. Бажова немногочисленны (Танюшка, Даренка, Таютка). Характеристики «*девчоночек*», рассказы об их судьбах, сложившихся непременно удачно, согреты особым теплом, ласковостью авторской интонации. Следующая стадия жизни – «*подлетки*» (подростки). Эта возрастная группа встречается в сказках П. П. Бажова на уровне беглого упоминания. Едва ли не единственным индивидуализированным образом девочки-подлетка является образ Васенки, героини сказа «Ключ земли». *Образы девушек* в сказках П. П. Бажова многочисленны. В речи рассказчика и персонажей используются следующие номинации героинь этого возраста: «*девка*», «*девица*», «*деваха*», «*девушка*». Все эти определения контекстуально синонимичны. Образы девушек в сказках П. П. Бажова близки к идеальной ипостаси девушки-невесты, воплощенной в русском фольклоре: таковы Дуняха («Травяная западенка»), Катерина («Горный мастер»), Оксютка («Иванко Крылатко»), Марфуша Зубомойка («Шелковая горка») и др. Эти девушки веселы, смышлены, трудолюбивы, хозяйственны, верны своим возлюбленным, самоотверженны – таков этический женский идеал, сформированный народным сознанием. Выйдя замуж, *девка* становится *бабой*. Эта номинация обозначает женщину как таковую; «баба» – определение одновременно половозрастного и социального статуса. Образ бабы в сказках П. П. Бажова также идеализирован. Настасья («Малахитовая шкатулка»), Катерина («Хрупкая веточка»), Глафира («Золотые дайки»), Татьяна («Марков камень»), Марьюшка («Аметистовое дело») – женщины работающие, хозяйственные, заботящиеся о детях, ладающие с мужьями. В сказе «Сочневы камешки» появляется негативный образ «сочневой *женешки*». Кроме того, в сказках присутствует упоминание о *бабешках* и *бабенках*. Бабешки – это сплетницы, бабы, которыми овладела зависть и корысть. Номинация «бабенка» означает «гулящую» бабу. В определении «*бабочка*» ощутимы положительные коннотации – это, как правило, молодая женщина, работающая, веселая, ласково относящаяся к мужу. Так, дедушко Бушуев («Иванко Крылатко») называет Оксютку «*отменной бабочкой*». Кроме того, выделяются образы *матери*, *бабушки* («Уральские были», «Зеленая кобылка», Дальнее – близкое»), *вдовы* («Малахи-

товая шкатулка», «Травяная западенка»), злой *мачехи* («Огневушка-Поскакушка», «Шелковая горка», «Таюткино зеркальце»). *Образы старух* в сказах П. П. Бажова не особенно многочисленны, но очень выразительны. Бабушка Вихориха («Каменный цветок»), бабка Лукерья («Синюшкин колодец»), бабка Анисья («Чугунная бабушка») выполняют важную социкультурную функцию: они, как и заводские старики, являются хранительницами мировоззренческого и социального опыта. Кроме ярких, индивидуализированных образов в сказах П. П. Бажова присутствуют обобщающие обозначения девушек и женщин вообще, – определенных половозрастных групп. Повествователь называет их «*девушки*», «*подружки*», «*бабы*», «*соседки*». Тот или иной колоритный образ создается на имперсональном фоне. Кроме того, в ряде текстов возникает наименование «*девки-бабы*», «*бабы-девки*», очевидно, обозначающее женскую субкультуру как таковую.

Параграф **«Константы русской культуры в художественном мире П. П. Бажова» (2.3)** посвящен исследованию отображения ключевых слов-понятий национальной культуры в творчестве П. П. Бажова. В разделе **2.3.1 «Мастерство как способ самоосуществления человека»** отмечается, что в сказах 1930-х годов понятие мастерства соотносится с категорией красоты, которая, в свою очередь, осмысливается через оппозиции живое / мертвое (неживое), вечность / временность, земное / потустороннее. Задача мастера – актуализировать потенциальную силу камня, в сущности, сделать из живого еще более живое. В сказовом мире П. П. Бажова действуют мастера разных типов. Так, творческие поиски Данилы («Каменный цветок») драматичны и мучительны для него самого и близких ему людей (Прокопъич, Катерина). Данила находит идеальное воплощение красоты в потустороннем inferнальном мире. В своих творческих поисках Данила руководствуется желанием показать красоту камня, которая для него первичнее красоты окружающего мира. Митюнька же («Хрупкая веточка») воспринимает мир как некую этико-эстетическую целостность, он принимает красоту во всех ее земных проявлениях, интуитивно чувствуя, что красота отнюдь не всегда воплощается в безукоризненно совершенных формах. Митюнька признает первичность земной природной красоты,

именно поэтому хрупкая веточка – идеал красоты Митюньки – оказывается способной передать красоту камня и окружающего мира.

В ряде художественных текстов («Железковы покрышки», «Чугунная бабушка», «Коренная тайность» и др.) воплощается мотив уважения мастерства и почтительного отношения к мастеру. Для героев сказов мастерство – способ «укоренения в бытии», внутренняя опора и основа. В сказовом мире способность к созидательному труду является характеристикой, определяющей значение и, в сущности, статус человека вообще. В этом контексте концептуальный характер приобретает метафора «пустая порода» (сказ «Приказчиковы подошвы»). В сказах 1940-х годов претерпевает изменение мотив преемственности: настоящим признается наследник не по родству, но по роду занятий (сказ «Ионычева тропа», «Шелковая горка», «Аметистовое дело» и др.). Мастерство лишается иррационального компонента, подменяется идеей создания высоких технологий. В целом мотив мастерства как индивидуального проявления творчества трансформируется в мотив выдумки как коллективного достояния.

В следующем разделе **«Понятия семьи / сиротства / судьбы» (2.3.2)** речь идет о том, что в осмыслении понятия судьбы и категории семейственности П. П. Бажов во многом наследует этнокультурную традицию. В смысловом пространстве сказов П. П. Бажова понятия судьбы / доли и семьи / брака / любви оказываются коррелятивными. Представления о судьбе неизменно соотносятся с брачной семантикой (сказы «Малахитовая шкатулка», «Золотые дайки», «Аметистовое дело» и др.). Народное отношение к бессемейности, бездетности было негативным, эту установку автор выражает через механизм людской молвы, через речь рассказчика.

Категории семейственности в творчестве П. П. Бажова противостоит категория сиротства. Сироты, сиротство в сказах П. П. Бажова имеют особый статус. В семантическом пространстве русской культуры понятие сиротства соотносится с понятиями рода, семьи, доли. Как и в народной культуре, в сказах П. П. Бажова категория сиротства находит свое выражение в двух аспектах: социальном (бытовом) и онтологическом (бытийном). В онтологическом плане сиротство соотносится с одиночеством, безродностью и бесприютностью. В плане

социальной семантики сиротство понимается как бессемейность, обездоленность и социальная незащищенность.

Образ сироты в сказках П. П. Бажова относится к числу постоянных. Сиротами в сказках нередко являются дети: Данилко Недокормыш («Каменный цветок»), Даренка («Серебряное копытце»), Дениско («Жабреев ходок») Федюнька («Огневушка-Поскакушка»), Таютка («Таяткино зеркальце»), Васенка («Ключ земли»). Главным в осмыслении образа ребенка-сироты является мотив отсутствия заступника. Рядом с образами сироток возникает образ злой мачехи как потенциальной или актуализированной угрозы благополучию сироты («Таяткино зеркальце», «Серебряное копытце», «Огневушка-Поскакушка», «Шелковая горка»). В сказках П. П. Бажова судьбу сироток устраивают старики – воплощение принципов народной этики: Федюнька идет жить к дедке Ефиму, Прокопъич «вместо отца» Даниле, Кокованя «берет в дети» Даренку.

В сказках П. П. Бажова сиротами являются не только дети, но и взрослые: Настасья («Малахитовая шкатулка»), Илюха после смерти бабки Лукерьи («Синюшкин колодец»), Катя после смерти своих родителей («Горный мастер»). В осмыслении образа сироты-взрослого актуализируется онтологический план категории сиротства: определяющими являются мотивы одиночества, покинутости, отпадения от мира. Маргинальность как одна из главных характеристик образа сироты сохраняется и в отношении сирот-взрослых: эти герои способны вступать в контакт с «тайной силой».

В ряде сказов категория сиротства выполняет функции сюжетообразующего мотива. Так, сказ «Таяткино зеркальце» основан на нарушении одного запрета – запрета женщине спускаться в шахту. Таким образом, мотив сиротства не только обеспечивает художественную и психологическую достоверность рассказываемого, но и является одним из составляющих сюжета, находясь в причинно-следственной связи с другими сюжетными мотивами.

Параграф 1.4. содержит **Выводы ко II главе:**

1. Экспликацией ментальности является русский национальный характер, его специфика может быть исследована посредством выявления ключевых слов-понятий культуры, при литературоведческом изучении которых применимы приемы и принципы мотивного анализа.

2. Анализ образной системы сказов П. П. Бажова позволяет утверждать, что в системе мужских образов определяющим становится маркер социально-профессиональной принадлежности человека (камнерез, гранильщик, старатель, угольщик и т.д.). Женские образы выделяются в зависимости от занимаемой роли в семье (мать, бабушка, вдова, злая мачеха, «жена настоящая», «женешка», и т.д.).

3. Одаренность и семейственность – константы русского национального характера, имеющие особое значение на горнозаводском Урале и – соответственно – в сказовом мире П. П. Бажова. Одаренность реализуется в мастерстве, играющем роль ценностного центра в жизни уральца; это личное неотъемлемое достояние человека. Категория семейственности теснейшим образом связана с понятием судьбы / доли. В сказовом мире П. П. Бажова семья воспринимается как необходимое условие жизни человека; в противовес семье сиротство – отпадение от рода.

В Заключении обобщаются итоги и перспективы исследования.

Диссертационное исследование являет собою, в сущности, первую попытку изучения сказового творчества П. П. Бажова с учетом нескольких аспектов: проблем русской ментальности, регионального уровня национальной культуры и индивидуального художественного мира писателя.

В сказовом творчестве П. П. Бажову удастся показать русский народ в его единстве и многообразии. Каждый сказовый образ объединяет в себе национально-типическое и характерно-личностное начала. «Впитанность» традиционной культуры является сущностной основой личности. Русский национальный характер в сказах П. П. Бажова предстает многогранным, причем в разных ситуациях актуализируется тот или иной его аспект. Русский национальный характер в уральском «преломлении» оказывается цельным в своей «пестроте» и разнородности.

В качестве перспективных направлений исследования творчества П. П. Бажова в русле обозначенной проблемы выдвигаются следующие:

1. Выявление специфики репрезентации русской ментальности в художественном мире П. П. Бажова предполагает расширение исследовательского дискурса – сопоставление с творчеством Д. Н. Мамина-Сибиряка.

2. Дальнейшее исследование «уральского текста» русской культуры.

Основные положения диссертационного исследования были изложены в следующих публикациях:

1. Харитонова Е. В. «Аленушкины сказки» Д. Н. Мамина-Сибиряка и сказы «детского тона» П. П. Бажова в контексте традиций народной педагогики // Художественное, научно-публицистическое и педагогическое наследие Д. Н. Мамина-Сибиряка в современном мире. Материалы региональной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Д. Н. Мамина-Сибиряка (23–24 октября 2004 г.). Нижний Тагил: Изд-во НГПИ, 2002. С. 166–170.

2. Харитонова Е. В. Репрезентация национальной ментальности в романе Д. Н. Мамина-Сибиряка «Три конца» (К проблеме литературного фольклоризма) // Вторые Лазаревские чтения: Материалы Всероссийской научной конференции (21–23 февраля 2003 г.) – Челябинск: Изд-во ЧГАКИ, 2003. С. 129–132.

3. Харитонова Е. В. Понятия судьбы и семьи в народной культуре и сказках П. П. Бажова // Народная культура Сибири: Материалы XII научно-практического семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2003. С. 207–211.

4. Харитонова Е. В. Типология женских образов в сказках П. П. Бажова // Творчество П. П. Бажова в меняющемся мире: Материалы межвузовской научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения П. П. Бажова, 28–29 января 2004 г. Екатеринбург, 2004. С. 80–87.

5. Харитонова Е. В. Система гендерных отношений в сказках П. П. Бажова (Этнокультурный контекст и региональная специфика) // Известия Уральского государственного университета. 2003. № 8. Гуманитарные науки. Вып. 6. С. 58–69.

6. Харитонова Е. В. Уральская литература в системе среднего профессионального образования (анализ произведений Д. Н. Мамина-Сибиряка и П. П. Бажова) // Анализ литературного произведения в системе филологического образования: профильные классы, колледжи: Материалы X Всероссийской научно-практической конференции. 24–25 марта 2004. – Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2004. С. 88–96.

7. Харитонова Е. В. Русская ментальность и ее репрезентация в художественном мире П. П. Бажова (к постановке проблемы) // Дергачевские чтения – 2002: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Материалы международной научной конференции. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 358–360.

8. Харитонова Е. В. Проблемы гендерной социализации в сказках П. П. Бажова // Мальчики и девочки: реалии социализации: Сб. статей. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 323–328.